

---

---

## СВЯТОЕ ПИСАНИЕ В РЕЦЕПЦИИ ПОЭТА КОСМОСА

---

---

*Марина КУЗЬМЕНКО*

Леонида Вышеславского (1914–2002) по праву называют поэтом Космоса. Солярная тематика, проблемы освоения космического пространства, полеты к звездам – ключевые в творческом наследии автора «Звездных сонетов» и «Близкой звезды». Не случайно его именем названо одну из малых планет Солнечной системы – Вышеславия.

В философской лирике Вышеславского, которая всегда отличалась остротой постановки животрепещущих проблем современности, особенно ощутимы интертекстуальные диалоги с Библией (Книгой Бытия, Новым Заветом и др.). Это связано с тем, что после Второй мировой войны европейская литература, в том числе и художественная словесность в Украине, как, впрочем и в «атеистическом» общесоюзном литературном пространстве, переживали всплеск возрастающего интереса к Библии как неисчерпаемого родника духовных истин, сюжетов и архетипов. Одна из главных причин этого интереса, на наш взгляд, зиждется в экзистенциальном восприятии мира как смыслоутраты, размывании границ между художественным творчеством и философией, а после смерти Сталина и развенчания культа его личности – в адекватном возрождении культа свободы каждого человека и гражданина и возрастающем сознании ответственности за свои поступки. В размышлениях о вечном, гуманном, добропорядочном и справедливом поэт обращался как раз к Библии («святыне из святынь»), сверяя с ней свои представления о добре и зле, верности и измене, чести и бесчестии.

В свое время А. И. Белецкий говорил о Т. Г. Шевченко, что именно «библейские книги помогли поэту найти выражение для той стихии, которая все глубже овладевала его творчеством: для стихии гражданского пафоса» [1, 283].

Л. Вышеславскому Библия также давала мотивы и образы для создания стихотворений активного гражданского звучания. Переосмысливая библейские образы и стилистические формулы, русскоязычный поэт Украины прославлял «законы человечности», идентифицированные в «книге книг»:

*нигде закона человечности  
в борьбе за правду не нарушу!*

(«Вступаем в первое немецкое село») [2, Т.1, 44].

Библейские образы, неточные цитаты, аллюзии, реминисценции из Святого Писания не так уж и редки в произведениях Вышеславского. К тому же значение этого факта возрастет на несколько порядков, когда мы примем во внимание ту атмосферу коммунистической пропаганды и борьбы с религией как «опиумом для народа», в которой публиковал свои сборники поэт. Этот факт, на наш взгляд, имеет свое логическое объяснение. Именно тексты Святого Писания еще в детстве определили то культурное пространство, в котором формировалась личность писателя. Даже с учетом антиномии Знания и Веры, которая была присуща эпохе «социалистического строительства в отдельно взятом государстве» и критической рефлексии писателя в рецепции «официального» православия данный факт имеет важное значение для понимания своеобразности мировосприятия Л. Вышеславского.

Во многих поэтических текстах автора «Садовника» и «Чудовиденья», впрочем, как и в его эпистолярном наследии, находим выражения вполне естественные для человека, который был воспитан в православных традициях: «Храни вас господь», «Будьте небом хранимы» и т. п.

В стихотворении «Мой Николаев» (1955) и в ряде других произведений Л. Вышеславский описывает родительский дом, ставший колыбелью его жизни, в котором будущий поэт обрел плоть и дух, как бы поселился в нем навсегда:

*Дом старинный стоит  
и в речную глядит синеву,  
где бы жить не пришлось –  
я всегда в этом доме живу [3, 56].*

Здесь говорится о небольшом одноэтажном доме в самом конце Второй Экипажской улицы (ныне улица Володарского, 91), на территории бывшей церкви Мари Магдалины. В этом доме с 1907-го по 1922 год жил дед поэта – священник Харлампий Иванович Платонов – с многочисленной семьей [См. об этом подробнее: Куприянов И. Леонид Вышеславский: Очерк жизни и творчества. – К.: Рад. письменник, 1984. – с. 6-7.]. В нем прошло раннее детство Л. Вышеславского. Из этого дома он вышел на дорогу жизни:

*Через окна его  
я впервые на землю взглянул,  
через двери его  
я впервые на землю шагнул  
и увидел Слободку  
в горячей дорожной пыли, –  
всю Слободку из глины слепили  
и солнцем степным обожгли [2, Т. 1, 47].*

Это – первые детские воспоминания поэта, зафиксированные во многих его стихотворениях. В памяти Л. Вышеславского запечатлена также духовная атмосфера раннего детства. Дед был образованным, начитанным человеком. Причем знал как духовную, так и светскую литературу. Все его дети получили систематическое образование. Мать Л. Вышеславского окончила местную Мариинскую гимназию. В семье много читали, обменивались мнениями о прочитанном. Конечно же, Библия и Псалтырь в семье священника были в числе приоритетных изданий, наиболее востребованными в доме. «Семейные уроки», на которых органически переплетались в восприятии ребенка элементы русской и украинской культур, изучение Святых Писаний, безусловно, сказались на становлении его личности, в какой-то мере позже определили характер творчества. Это признавал и сам Л. Вышеславский. В «Сонете родного села» он так оценил один из источников собственного духовного становления:

*И осеняет золотым крестом  
путь внука своего отец Харлампий* [2, Т. 2, 46].

В книге, посвященной жизненному и творческому пути Л. Вышеславского, литературовед И. Куприянов поведал о том, как во время гражданской войны, летом 1919 г., в семье Вышеславских случилось горе. Николай Дмитриевич, отец будущего поэта, связанный с большевистским подпольем, вынужден был часто скрываться. Однажды он исчез, долго не возвращался. Мать заболела тифом, и ее забрали в больницу. Люсика, как называли Леонида в детстве, приютили друзья родителей, учителя. Фамилии их поэт не запомнил, они остались для него навсегда тетей Машей и дядей Саввой. Когда белый террор усилился, они бежали в Одессу, забрав и Люсика. Но и там им не удалось скрыться. «В одну из ночей их вместе с приемышем арестовали и повели на расстрел под монастырские стены на даче Ковалевского. Только чудом будущему поэту удалось остаться в живых. Улучив минуту, тетя Маша втокнула его в какую-то щель. Как ящерица, он забился между камнями, и в темноте его не нашли. Вскоре раздались выстрелы... Оставшуюся часть ночи и следующий день мальчик пролежал в камнях. Только вечером его увидели монахи и увели в Успенский монастырь. Там его позже и разыскал отец» [4, 9–10].

В течение всей своей жизни Л. Вышеславский всегда с благодарностью будет вспоминать Успенский монастырь, спасший его от расстрела и даровавший ему «чудовиденье» (так назовет поэт один из своих сборников, опубликованный в 1970 году). Никакие последующие революционные вихри и антирелигиозные агитации и пропаганды не смогли вытравить в сознании поэта благоговейное и трепетное отношение к людям, принесшим себя на алтарь служения Богу. Исследователи творчества Л. Вышеславского (И. Куприянов, Н. Мазепа и др.)

отмечали его хорошее знание церковно-литургических текстов, что давало возможность поэту глубоко осмысливать идеалы христианского гуманизма. Именно благодаря этому знанию Л. Вышеславский обращается к переводу на русский язык цикла стихотворений Т.Г. Шевченко «Псалми Давидові».

Чтобы убедиться в том, что Л. Вышеславский не механически скопировал подлинник, а прочитал его как поэт – творчески, достаточно, на наш взгляд, обратиться к следующим строкам данного псалма: «І мечі в руках їх добрі, // Гострі обоюду...» Можно, разумеется, воссоздать их по-русски так, как это сделал В. Россельс – «В их руках мечи стальные, // Остры обоюду...» Однако совершенно ясно, что эпитет к слову «мечи» («мечи стальные») здесь случайный, не несущий смысловой нагрузки. В оригинале «мечі добрі», т.е. такие, которые способны еще послужить мстителям. Поэтому важно подчеркнуть как раз это качество оружия, а не разьяснять очевидное (как будто контекст оригинала предполагает наличие не стальных, а деревянных или каких-то иных мечей).

Эпитет Л. Вышеславского гораздо точнее передает суть образа и, уж во всяком случае, употреблен переводчиком не ради заполнения строки:

*И мечи, мечи святые  
Им вложены в руки  
Для отмщения неверным  
И людям в науку [5, 363].*

«Мечи святые» – образ, целиком соответствующий сути псалмов. Да к тому же его можно встретить и в других произведениях Т. Шевченко. Вспомним хотя бы освященные ножи народных мстителей из поэмы «Гайдамаки».

Как видим, для переводов, выполненных Л. Вышеславским, не характерно аскетическое самоограничение, присуще Эзру Фининбергу, боязнь использования тех преимуществ, которые в отдельных случаях предоставляет родственный язык. В то же время ему одинаково чужда и рабская покорность переводчика, слепое калькирование украинского текста. Его метод – творческий перевод. «Соприкасаясь с упорным сопротивлением материала, он никогда не ищет обходных путей, – справедливо отмечает Б. Олейник, – в его переводах вы не найдете пластмассовых заменителей или буквализмов, он всегда пытается нащупать корень того или другого образа в традициях, в этике и эстетике украинской народной поэзии» [6, 153].

Яркой иллюстрацией сказанного, на наш взгляд, могут служить переводы Л. Вышеславского крылатых выражений украинского поэта. Общеизвестно, что шевченковские афоризмы, откристаллизировавшие его пламенную мысль, переводить чрезвычайно трудно. А. Гатов «Бо де нема святої волі, // Не буде там добра ніколи» в своей версии не смог поднять до уровня афоризма – «Где

нет священной нашей воли, // Там добрых дел нам ждаться отколе?» В. Россельс не справился с переводом «Діла добрих обновляться, // Діла злих загинуть» из «Псалмов Давыдовых» – «Дело добрых обновится, // Злоба захиреет». И это ведь лучшие версии, которые канонизировались в течение многих десятилетий. Тем весомее вклад тех переводчиков, которые сумели дать полноценные эквиваленты произведений Т. Шевченко. Вот, к примеру, перевод этих афоризмов Т. Шевченко в сделанных Л. Вышеславским: «Где воли нет для человека, // Не будет там добра вовеки», «Дела добрых возродятся, // Дела злых погибнут».

Вполне очевидно, что выбор произведений для интерпретации на русском языке был для Л. Вышеславского не случайным. Только духовное родство («благословенним будь споріднення і перегукування душ!» – П. Тичина) автора оригинала и переводчика во многом способствовало адекватному воспроизведению «Псалмів Давидових» языком Пушкина и Блока.

Истоки интереса Л. Вышеславского к Библии очень глубоки. И дело даже не столько в биографии поэта. Хотя, конечно, знание и понимание библейских сюжетов (а он знал их с детства, великое множество, поскольку они звучали постоянно в семействе деда-священника) способствовало органичности и лиризму стихов, изумительных по красоте нравственной и художественной. Вспомним в этой связи и такой факт из биографии поэта. В 1922-1923 годах он жил с дедом-священником Харлампием Ивановичем Платоновым на Слобожанщине в селе Павливке, «полузанесенном песками», где начались его школьные годы. Слобожанщина – сквородиновские места. Там странствовал с посохом и котомкой украинский поэт и философ Григорий Сковорода. Рядом с Павливкой Сковородиновка.

*Я счастлив,  
что с этим селом по соседству  
меня осенял  
поэтический дух,  
что славный философ  
включил мое детство  
в свой солнечный  
сковородиновский круг [2, Т.1, 201],*

– напишет уже в зрелые годы Л. Вышеславский. Притчи сквородиновские для него были сродни притчам библейским. Как видим, философичность мировосприятия поэта произростала не только благодаря семейному воспитанию и пребыванию еще в детские годы в местах, связанных с именем украинского любомудра-философа Сковороды. Очевидно, глубина философичности была заложена в самой природе таланта Л. Вышеславского. Он постоянно думал о вечности и вечных ценностях, идентифицированных Библией. Ведь даже стихи о прогулке с маленьким внуком («Я гуляю с ним», «Он гуляет со мной»),

«Стул для прогулок») перерастают у него совершенно естественно в чудесное путешествие во времени, которому нет конца.

«Это особенное мироощущение, это обостренное чувство красоты мира и неизбежной печали расставания с ним и размышления о непреходящих ценностях бытия должны были закономерно привести поэта к своему поэтическому прочтению Библейских страниц» [3, 10], – справедливо заметила Н. Мазепа в предисловии к сборнику Л. Вышеславского «Избранное» (1987 – 2002), вышедшего уже после смерти поэта. Эти стихи не каноничны. В них есть даже элемент апокрифичности. Но вот, что удивительно: их заметил и оценил священник Александр Мень (правда, и священник, и человек это был необыкновенный). Впрочем, поэзию Л. Вышеславского понимали и принимали, находили в ней нечто сокровенное, близкое люди разные: космонавт Юрий Гагарин и священник Александр Мень, украинские поэты Максим Рыльский и Иван Драч, русские поэты Павел Антокольский и Николай Ушаков... Поэзию Л. Вышеславского принимают и любят также нынешние читатели, поскольку его лирический герой живет в мире души каждого, кто прикасается к его Слову.

Одним из важных аспектов рассматриваемого нами вопроса является изучение ключевых тем философской поэзии Л. Вышеславского, определяемой текстами Святого Писания. Это и тема любви и уважения к человеку, и утверждение писателем необходимости «высших и далеких целей», которые осмыслились поэтом как условие духовного преобразования мира и человека (одна из главных идей Нового Завета). Это и христианская система ценностей, на которую опирался писатель, комментируя собственные действия и поступки окружающих его людей:

*И у меня святыни в жизни есть –  
их всех не описать,  
не охватить, не счесть [3, 79].*

В общем корпусе более или менее прочно связанных с Библией произведений Л. Вышеславского видим три концентрических проблемных круга. В центре первого стоит философская проблема происхождения жизни на Земле и появление ранних христиан. И зарождение жизни на планете, и распространение христианства в рецепции Л. Вышеславского – одинаково равновеликие события в истории человечества. Возьмем, хотя бы такие стихо-творения, как «Пианино каменного века», «Огонь», «Человечеству звезды расти помогают», «Мы были звездами», «К вопросу о внеземных цивилизациях», «Люди твои, море!», «Кровь – морская вода» и др. Все эти произведения так или иначе посвящены незваной выше проблеме. Преимущественно библейские заимствования употребляются в них без ссылок. Чаще всего – в форме аллюзий или парафраз, как скажем, в стихотворении «К вопросу о внеземных цивилизациях»:

*Неведомо, кто жизнь вдохнул в земную глину,  
потопом притоптал и силу дал опять,  
но здесь она зажглась, чтоб никогда не сгинуть,  
чтоб, разгоревшись тут, повсюду запылать [2, Т.1, 187].*

В других случаях в качестве эпитафий – авторские комментарии: «Рыба – знак первых христиан» («Знак рыбы»).

Во втором круге – комплекс вопросов морально-этического характера. В центре этого круга находится Новый Завет в целом и мифологема распятия Христа. Сюда мы относим такие произведения Л. Вышеславского, как «Воздаяние», «Созидатель», «Втайне от нас», «Сапер на Карловом мосту в Праге» и др.

Например, стихотворение «Воздаяние» начинается с перефразированного Л. Вышеславским канонического христианского текста:

*А все-таки есть нечто в мире этом,  
что воздаяние за боль и зло несет... [3, 181].*

Чтобы у читателя не оставалось сомнения в истинности библейского постулата, поэт конкретизирует его таким эпитафием: «Дочь Дантеса страдала душевной болезнью от сознания, что ее отец – убийца Пушкина». Все стихотворение превращается в итоге в философское обобщение неотвратимости наказания за любое преступление. В предельно сжатых заключительных строках «Воздаяния» – морально-этическая сентенция, возведенная до уровня символа:

*И лишь дитя – болезни вечный пленник.  
В немых глазах – укор за преступленье,  
которым заклеил себя отец.  
Тайник его раздумий – на засове,  
лишь дочь – как воплотившаяся совесть,  
как сердце разрывающий свинец [3, 181-182].*

Третий круг – это система сложного философского мировидения Л. Вышеславского. Сквозная идея этого концентрического круга проблем определяется как судьба исторического бытия христианства, духовным стержнем которого является «Новый Завет». К этому кругу мы относим тетраптих «Открытые глаза», поэму «Сковородиновский круг», «Колющее кладбище» и др.

Вот, например, стихотворение «Листва десятки раз успела обветшать...» Перед читателем – пейзажный рисунок поздней осени. Описывая точными мазками «обветшалую» листву, «состарившиеся дожди», автор подводит реципиента к философскому обобщению: все в мире подвластно времени и старости – и деревья, и моря, и люди:

*И лишь – назло всему – не старится душа, –  
И в этом, может, быть, вся наша боль и горе [3, 184].*

Итак, библейские образы, мотивы и мировидение вообще естественно и органически существует в поэзии Леонида Вышеславского. Библейские заимствования в его лирике носят не эпизодический, не фрагментарный характер. Диапазон использования претекстов Библии у поэта довольно широк: от отдельных лексических заимствований до переводов произведений на библейские сюжеты и дискуссий, которые опираются на развернутые реминисценции из Библии. При этом реализуются основные функции интертекстуальности: апелятивная, экспрессивная, конструктивная и художественная (поэтическая).

Рассмотренные примеры идентифицируют глубокое влияние Святого Писания, его основных тем, сюжетных мотивов, а главное – его аксиологической системы на мировоззрение писателя. Приведенные нами случаи референций библейских сюжетов свидетельствуют также об устоявшемся функционировании в сознании автора «Сковородиновского круга» образов из Библии в качестве моральных ориентиров, что не исключает критического отношения Л. Вышеславского к утверждению их универсальности. Благодаря библейским претекстам, философская лирика русскоязычного поэта Украины воспринимается в континууме христианской культуры, тем самым создается ситуация «сопричастности». Между тем использование претекстов не является простым заимствованием: происходит взаимовлияние и трансформация текста подражаемого и авторского, переосмысливается библейский текст, но вместе с тем он влияет на стилистику и основные мотивы философской лирики Л. Вышеславского.

Таким образом, обращение поэта к текстам Святого Писания дало ему возможность репрезентировать собственное видение реальности в контексте христианского культурного наследия и в то же время стало одним из способов создания индивидуальной картины окружающего мира. Интертекстуальность в художественном творчестве Л. Вышеславского является имплицитным средством репрезентации концептуальных идей писателя. Исследование заимствований из Библии, диалогов с текстами Святого Писания позволяет определить интертекстуальность как продуктивный путь создания глубокого философского подтекста в лирических произведениях поэта – одной из характерных закономерностей его творческой манеры, дает возможность для выявления идеологических и культурно-эстетических кодов, идентифицированных в поэтических текстах Л. Вышеславского.

1. Білецький О. І. Зібрання праць: У 5 т. - Т. 2. – К.: Наук. думка, 1966. – 301 с.
2. Вышеславский Л. Избранные произведения: В 2 т. – К.: Дніпро, 1984.
3. Вышеславский Л. Избранное (1987-2002). – К., 2004. – 270 с.
4. Куприянов И. Леонид Вышеславский: Очерк жизни и творчества. – К., 1984. – 199 с.
5. Шевченко Т. Кобзар. – К.: Дніпро, 1983. – 646 с.
6. Олійник Б. Планета Поезія. – К.: Дніпро, 1983. – 194 с.